

О домашних концертах и нашей жизни

В шестьдесят восьмом году мне было запрещено выступать публично. В Советском Союзе, кстати, нет такой формулы «запрещено». Мне было «не рекомендовано». (Смех в зале.) Меня вызвали в соответствующие инстанции и сказали: «Не стоит. Не стоит... Мы не рекомендуем». Я продолжал выступать. Продолжал выступать в разных квартирах у моих друзей. Иногда даже у совсем незнакомых людей: кто-нибудь из друзей меня туда звал, и я выступал. И естественно, что в домашних условиях, в московской квартире петь стоя было бы глупо. Поэтому я привык петь сидя и прошу меня извинить — но я сяду... (Аплодисменты.) Как я мог убедиться, Запад очень хорошо понимает наши беды, когда речь идет, так сказать, об экстремальных ситуациях. И хуже понимает, что значит вот такая советская «every day life». У Льва Николаевича Толстого в его великом рассказе «Смерть Ивана Ильича» есть такая фраза: «Жизнь его была самая обыкновенная и самая ужасная». Вот об этой самой обыкновенной и самой ужасной жизни я попытаюсь вам сегодня немножко рассказать...

О М. Козакове и гвоздиках

...Он прекрасный человек. Он играл в моей пьесе главную роль. Он был красив. Он пришел ко мне однажды. Я ему как-то накануне сказал: «Мишенька, когда меня будут хоронить или что-нибудь вроде этого, — я люблю гвоздики». Лучшие мои цветы на свете! Никаких больше цветов не люблю — люблю гвоздики. Миша пришел с гвоздиками. Но его встретила моя жена. Ей очень нравился красивый мальчик Миша Козаков. Он стоял в дверях в черном, лаковые волосы, черные глаза, красные гвоздики — почти Веласкес! Она сказала: «Миша, как мне приятно, что вы к нам пришли!» — «Ангелина Николаевна! Это цветы — Александру Аркадичу», — сказал он, пронеся их мимо дамы. (Смех.) И это было прекрасно!

Знаете, что я должен сказать... Никогда не проносите мимо дамы...

О В.И. Немировиче-Данченко и догматизме

Эта история была рассказана участникам конференции по проблемам самостоятельной песни в Петушках в мае 1967 г., во время прений по докладу музыковеда В. Фрумкина, живущего и работающего ныне в США.

Один старый человек, еврей из какого-то маленького местечка, приехал в город Москву. У него был один день — наутро ему нужно было уезжать. И он сделал массу покупок. Но он очень хотел непременно попасть в Большой театр. Он действительно, уже взмыленный, с покупками в руках подскокил к Большому театру. Там была премьера, но ему удалось достать билет на эту самую премьеру, даже хороший билет — во втором ряду. И во втором ряду он оказался рядом с прекрасным, надушенным, пахнущим каким-то французским одеколоном стариком с холеной бородкой. Это был Немирович-Данченко. И он, сидя с ним, начал смотреть спектакль. Это был балет «Пламя Парижа». Старик

Кн. обозрение. — 1998. — 27 янв. (№ 4). — с. 12-13

«Наряду с использованием во враждебной пропаганде на интеллигенцию неофициально распространяемых рукописей и зарубежных изданий, нелегально ввозимых в нашу страну, которые на жаргоне диссидентствующих элементов, культивируемом этой пропагандой, именуется «самиздатом» и «тамиздатом», в целях идеологической диверсии используется в последние годы и так называемый «магнитиздат», или «музыкальный самиздат» — обычно записанный на магнитофонные кассеты идейно враждебный репертуар различных самозванных «бардов» вроде выехавшего за рубеж и погибшего там А. Галича...».

Это цитата из брошюры 1985 (перестроечного!) года.

Как известно, до этого времени действительно основным способом существования и распространения бардовского творчества были бобины магнитофонной пленки. В шестидесятых и в начале семидесятых магнитофонная лента, как и многое другое, была дефицитным товаром, и ценителям авторской (она тогда чаще называлась самодеятельной) песни приходилось ее экономить, вырезая из выступлений Окуджавы, Визбора, Высоцкого не только различные рассказы своих любимых авторов, но и комментарии непосредственно к исполняемым песням. Например, авторские комментарии к песням Г. Шпаликова

долго мучился, потом наклонился к Немировичу и сказал: «Слушайте, папаша, когда же будут петь?» И Немирович, поглаживая свою холеную бородку, сказал: «Голубчик, это — балет, здесь не поют». И в этот момент на сцене запели как раз — поскольку в «Пламени Парижа» тогда пели. Тогда старик наклонился к Немировичу и сказал: «Что, папаша, тоже первый раз в театре?» (Смех.) Понимаете, можно петь и в балете. Давайте не будем догматиками!

Об А. Вертинском и современных шансонье

Одна из песен Галича — «Салонный романс» — посвящена памяти Вертинского.

нам неизвестны вовсе. Таким образом «экономная экономика» даже помогала идеологии. В случае с Галичем на уничтожение работало еще и могущественное ведомство, именовавшееся в народе сомнительно, но многозначительно «органами». Катюшки с песнями фактически запрещенного поэта при обысках у вышедших у власти из доверия граждан нещадно изымались молодыми стриженными товарищами. Потому-то сохранившиеся устные рассказы Галича ценны для нас втройне. Одни из предлагаемых историй записаны на домашних выступлениях и в застолье с его ведома, другие — просто при невыключенном магнитофоне, а третьи взяты из фонограмм уже зарубежных концертов.

Наш низкий поклон тем, кто записал, и тем, кто сберег их. В силу упомянутых причин мы (пока!) не можем установить всех тех людей, кто сделал эти записи. Но — спасибо вам!

Отнесясь к этим текстам как к документам эпохи, при их публикации мы позволили себе лишь минимальные перетасовки и некоторые сокращения при повторах. Мы постарались сохранить также часть элементов разговорной речи, характерных для Галича. Мы приносим извинения читателю за возможные неясности, но — это уже невосполнимо. Заголовки рассказов даны публикатором.

...Я не знаю, как вас зовут, простите... Гена?.. Вот Гена признался, что после моей песни он занялся и изучил творчество человека, которому ужасно многим обязан. Помимо всего прочего, обязан ему тем, что он, уже на старости лет, одарил меня — тогда еще молодого человека — дружбой. Это человек, который был для меня легендой, был легендой для многих из вас. Это был Александр Николаевич Вертинский. Я с ним познакомился в 51-м году в городе Ленинграде. Мы с ним жили в гостинице «Европейской» почти что целый год вместе. У нас были номера рядом. Я писал тогда сценарий для покойного Сергея Дмитриевича Васильева. Сценарий, естественно, был запрещен, фильм тоже. У Александра Николаевича тоже были разнообразные неприятности — ему

не разрешали петь тот репертуар, который он хотел. Ну вот, мы с ним тогда подружились, я его очень полюбил. Даже не предполагая, что когда-нибудь тоже начну сочинять песни и их петь, я как-то очень заинтересовался именно тем, что он делает.

Он — очень интересно — в общем, был человеком трудным, всяким. Когда мы с ним сидели вдвоем по ночам, пили коньячок (тогда еще коньячок был по тем ценам) и прекрасно беседовали, с ним было очень интересно разговаривать. Он великолепно рассказывал и про Харбин, и про Париж, потом снова про Харбин, откуда он уже вернулся в Советский Союз, и про недолгое его пребывание в Польше. Если в нашей компании появлялся третий человек, а особенно если появлялась дама, то он становился решительно не-